

Отзыв официального оппонента
о диссертации Лю Инь
«Творческая эволюция Е.А. Нагордской в контексте идейно-эстетических
исканий 1910-х годов»,
представленной на соискание учёной степени
кандидата филологических наук
по специальности 10.01.01. – Русская литература

Диссертация Лю Инь является самостоятельным и завершённым исследованием, посвящённым презентации идейно-эстетических исканий 1910-х годов в произведениях прозаика Е.А. Нагордской, чье творчество современная автору критика и более поздние исследователи почти единогласно определили в разряд «бульварной литературы».

Исследование основано на анализе большого корпуса крупной и малой прозы, изданной писательницей в России до отъезда в эмиграцию.

Актуальность избранной темы не подлежит сомнению. Для выявления ментального контекста и воздействия «общих мест эпохи» на умы людей изучение творчества «второразрядных» и «третьеразрядных» писателей едва ли не важнее, чем крупных, в творчестве которых эти «общие места» искажены силовым полем мощного художественного мира. Во Введении к диссертации и в самой работе не раз справедливо отмечено, что наследие Е.А. Нагордской, содержащее много полезной информации для новейших исследователей, до сих пор практически не изучалось.

Актуальным является целостное рассмотрение прозаического наследия Е.А. Нагордской, внутреннее единство которого определяется идейными поисками автора, созвучными контексту эпохи.

Актуально обращение к текстам писательницы как к презентации её убеждений, ставших результатом ее нравственно-психологических поисков.

Актуально выявление интересного сплава увлечения писательницы масонскими идеями и ее мыслей, посвященных «женскому вопросу».

Избранная методология исследования, сочетающая имманентный и герменевтический подходы, позволила связать установки автора при создании характеров и историко-культурный контекст эпохи.

Положения, выводы и рекомендации, сформулированные в диссертации, являются **научно обоснованными**, доказательства убедительны и хорошо аргументированы. Научные результаты исследования Лю Инь целостны и свидетельствуют о личном вкладе исследователя в осмысление литературного наследия 10-х годов XX века.

Достоверность представленных результатов подтверждена последовательным и детальным анализом произведений Е.А. Нагордской, а также критической оценкой существующих работ по теории и истории литературы.

Исследование базируется на внушительном корпусе теоретических и историко-литературных трудов, библиография к диссертации включает 248 наименований.

В первой главе диссертации «Философская проблематика и художественная антропология в романах Е.А. Нагродской» выявлена связь важнейших этико-эстетических идей эпохи со структурой персонажа у Нагродской.

Рассматривая оппозиции аполлонического и дионисийского, красоты и безобразия, добра и зла на материале романов Е.А. Нагродской, Лю Инь выявляет последовательное выражение писательницей ее убеждений по поводу личного жизнестроения в контексте общих мест эпохи, таких как увлечение античностью и вопросами «освобождения женщины», с учетом философских, психологических, социологических и культурологических концепций (Ф. Ницше, О. Вейнингера, З. Гиппиус, Л. Колобаевой, О. Матич). Точно выявлена рациональная последовательность выражения личных убеждений писательницы через построение литературных характеров и логику их проявления в сюжете.

Стоило бы только отметить, что такая выдержанная последовательность характерна именно для писателей второго и третьего ряда, вспомнив, например, как жаловался Лев Толстой на своеволие Анны Карениной, борющееся с его художественной волей: «Когда в 1883 году Г.А. Русанов заговорил об отношении автора к Анне Карениной, Толстой снова сослался на опыт Пушкина. “Говорят, что вы очень жестоко поступили с Анной Карениной, заставив ее умереть под вагоном, что не могла же она всю жизнь сидеть с «этой кислятиной» Алексеем Александровичем”, — сказал Русанов. “...Это мнение напоминает мне случай, бывший с Пушкиным, — ответил Толстой. — Однажды он сказал кому-то из своих приятелей: «Представь, какую штуку удрала со мной моя Татьяна! Она — замуж вышла. Этого я никак не ожидал от нее”. То же самое и я могу сказать про Анну Каренину. Вообще герои и героини мои делают иногда такие штуки, каких я не желал бы: они делают то, что должны делать в действительной жизни и как бывает в действительной жизни, а не то, что мне хочется»¹.

Во второй главе «Художественное воплощение масонских идей» осуществлен анализ произведений Е.А. Нагродской, объединенных интенцией выражения ее масонских убеждений: рассказа «Аня», повести «Житие Олимпиады-девы», романов «Борьба микробов» и «Белая колоннада». Здесь справедливо показано, что герои этих произведений весьма последовательно противопоставлены друг другу как нашедшие и не нашедшие верный путь личного жизнестроения.

¹ «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», В 2-х томах, т. 1. М., 1955, с. 231—232.

И также можно было бы заметить, что последовательно реализованная авторская рациональность приводит к сюжетному схематизму и является признаком невысокого художественного уровня произведений.

В третьей главе «Малая проза: демифологизация, фантастика и травестирирование» рассмотрена проза малого жанра, в которой Е.А. Нагородская провела ряд эстетических экспериментов, опять же, как справедливо показала Лю Инь, в прямой и последовательной связи с собственными мировоззренческими установками. Например, критика дионисийского жизнестроения осуществлена ею через пародирование произведений приверженницы дионисийского культа Л. Зиновьевой-Аннибал. Здесь интересная находка исследователя – мысль о том, что Е.А. Нагородская предложила «свой, “женский вариант” готики» (с. 209).

Научная новизна работы обусловлена следующими факторами. Это, прежде всего, обращение к корпусу неизученных и малоизученных текстов Е.А. Нагородской, которые нуждаются в переиздании и научном анализе.

В диссертации впервые предпринят анализ образов персонажей в прозе Е.А. Нагородской и выявлены воплощенные в них авторские интенции.

Новизна обеспечена также рассмотрением прозаического творчества Е.А. Нагородской как целостной художественной системы, обладающей своими особенностями и внутренними законами.

Таким образом, цель исследования – рассмотрение «творческой эволюции Е.А. Нагородской до эмиграции в соотношении с ведущими тенденциями литературного процесса 1910-х гг.» и выявление «динамики восприятия ею символистского дискурса, феминистских интенций и готической традиции», что позволяет вписать ее имя «в парадигму модернистских исканий XX столетия» (с. 6) – достигнута, поставленные задачи решены.

Диссертация логично выстроена и удачно структурирована, написана хорошим языком и аккуратно оформлена, отражает начитанность исследовательницы и ее свободное владение обширным текстовым материалом.

При общей высокой оценке диссертации нельзя не отметить некоторые ее недочеты.

1). Во-первых, это ряд несколько запальчивых суждений во Введении, в котором Лю Инь определяет место Е. Нагородской в литературном процессе, обзревая критические и литературоведческие оценки ее творчества.

В обзоре новейших исследований женской прозы конца XIX – начала XX века Лю Инь утверждает, что в современном литературоведении не выработалось определенного мнения относительно причисления произведений А. Вербицкой, с которыми критики-современники постоянно сравнивали Е. Нагородскую, к массовой «бульварной» беллетристике.

Диссертантка ставит под сомнение недвусмысленные выводы Н.М. Зоркой, при этом признавая, что исследовательницей успешно решена задача «отделить зерна благородного искусства от плевел расхожих подделок» (с. 28) и впервые показаны «комбинации, сюжетные ходы, основные типы сюжетов ... популярной беллетристики» (там же). Затем Лю Инь выражает удивление, что выводы Н.М. Зоркой разделила Е.А. Дьякова, и возражает на это следующим суждением: «Однако думается, что в этом высказывании акцентированы именно отрицательные качества стилистики писательницы и затушевано то, что привлекало к ней внимание читающей публики» (с. 29).

Думается, что черты стиля, перечисленные Е.А. Дьяковой, как раз и привлекали внимание читающей публики – массового читателя, – позволяя Е.А. Дьяковой согласиться с Н.М. Зоркой.

На сс. 36-37 Лю Инь, защищая право беллетристики на существование, ссылается на мнение Честертона, определяющее литературу как роскошь, а беллетристику как необходимость.

Мнение спорное: необходимость – это хлеб, который едят абсолютно все, а беллетристика вряд ли нужна, как хлеб, людям культурным людям. Массовому читателю – да, но тут становится не очень понятно, зачем отстаивать право массовой культуры на существование, если Лю Инь считает писательниц, которых касается это ее высказывание, не принадлежащими массовой культуре до конца: «Как не принадлежащее “целиком” к расхожему массовому потоку литературы будет рассматриваться в данной работе и творчество Нагродской...» (с. 30) – и рассматривает те черты их творчества, которые выводят его за рамки беллетристики и приближают к высокой литературе?

На с. 38 Лю Инь иронично замечает, что М. Кузмин, сделал в дневнике нелестную запись о творчестве Нагродской «когда, очевидно, несколько подзабыл, что она его приютила, а также покровительствовала ему, помогая публиковаться».

Думается, что ирония тут неуместна, потому что личные качества человека и литературные достоинства его произведений могут иметь разные оценки, а в дневнике обычно пишут то, что действительно думают, а не то, что требуют приличия и дружеские связи.

На сс. 42-43 Лю Инь замечает о критике С. Доротине: «И опять мы встречаемся с теми колебаниями и сомнениями, которые не позволяют серьезному критику признать, что “интересно, живо и увлекательно” написанное произведение может представлять интерес для взыскательного читателя. И делает вывод: «Такой подход лишний раз свидетельствует, что отечественная критика ... не могла по достоинству оценить новый тип повествования – с головокружительными поворотами сюжета, авантюрными элементами и стремительно меняющимися героями».

Думается, что обобщать и делать подобный вывод стоило бы, если бы речь шла о произведениях, например, Достоевского, который не гнушался

увлекательными сюжетами, вычитанными из криминальных новостей. Сомнения же критика по поводу творчества Нагродской имеют веские основания, которые он изложил, а Лю Инь не оспорила на доказательном уровне. Более того, на с. 47 сама Лю Инь замечает о критике А. Добром: «Такую оценку романа можно объяснить тем, что критик подходил к нему, помня о заветах классической русской литературы, не приемлющей дидактики и нравоучительного тона Роман же Нагродской был рассчитан на среднего читателя ...». В этом высказывании Лю Инь содержится оценка художественного уровня романа как весьма невысокого – в лучшем случае среднего, и ее попытки «приподнять» писательницу выглядят как типичная для молодого исследователя чрезмерная увлеченность предметом исследования, вполне простительная, впрочем.

Приведу еще ряд запальчивых высказываний Введения, объясняемых этой увлеченностью.

На с. 48 Лю Инь замечает по поводу критика Е. Колтоновской: «Сначала она говорит, что он написан “живым, гибким, одухотворенным языком”. А потому почему-то добавляет, что язык героев романа лишен сочности и они “говорят почти одним и тем же языком”. Эта несогласованность свидетельствует о невнимательности и поверхностности критика в исследовании языка романа и неспособности углубляться в особенность женского языка в творчестве писательницы». Боюсь, что здесь Лю Инь недопоняла проблему и сделала слишком категоричный вывод. Критик высказал мнение, что Нагродская не умеет писать диалоги – передавать индивидуальность говорящего в его прямой речи; при этом авторская речь в романе нареканий не вызывает. Никакого противоречия здесь нет, этот недостаток характерен для литераторов невысокого уровня.

Ниже Лю Инь обобщает: «...все героини, отстаивающие эти идеи, поданные автором в ироническом ракурсе, критиками воспринимались всерьез» (там же, 48). Боюсь, что, если в критической рецепции было такое единогласие, то это вина автора, не умеющего внятно передать свои интенции.

На сс. 49–50 Лю Инь сообщает, что существенный сдвиг в рассмотрении наследия Нагродской произошел в некрологах, появившихся в связи с ее кончиной. Думается, что некролог – это тот жанр, в котором гиперболизация достоинств является жанровым заданием, поэтому вряд ли его можно серьезно рассматривать в данном контексте.

В результате на с. 56 Лю Инь делает вывод, что «проведенное сопоставление интенций автора “Гнева Диониса” и Гиппиус поднимает Нагродскую до уровня ведущих представителей символизма», что в корне неверно, качественный уровень произведений такое сопоставление переоценить неспособно.

Думается, однако, что сама Лю Инь это понимает, поскольку в Главе I на с. 64 сообщает: «Е.А. Нагродская несоизмерима по дарованию с

указанными выше авторами...» (речь идет о М. Цветаевой, К. Вагинове, Н. Бахтине, О. Мандельштаме). И все эти «наскоки» молодого исследователя на опытных критиков можно объяснить его влюбленностью в предмет.

2). Во-вторых, это встречающиеся в работе попытки переоценки эстетического уровня художественных произведений с опорой на этические элементы текста. Во введении свое сомнение в принадлежности творчества А. Вербицкой к массовой литературе Лю Инь основывает на исследовании А.М. Грачевой, которая «подчеркнула идейное новаторство Вербицкой, позволившей себе “парадоксально” переосмыслить теории О. Вейнингера и полемизировать с отдельными положениями философии Ницше. И это, по мнению исследовательницы, стало “отражением происходящей психологической перестройки женского сознания”» (с. 29).

Думается, что идейное новаторство не является тем качеством, которое позволяет причислить литературное произведение к высоким образцам литературы, основополагающим признаком здесь выступает литературное мастерство. А вот для исследований по психологии и социологии как раз массовая литература является ценностью, так как дает основной материал. Но это опять же не позволяет причислять популярных писателей к представителям национальной литературы, поскольку первичны в таком представительстве эстетические категории.

Далее Лю Инь замечает, что «определенные достоинства» сочинений А. Вербицкой – «романтический пафос, окрыленность героев, их устремленность к счастью – сумели оценить только критики социал-демократического лагеря (М. Ольминский, А. Луначарский), противопоставив свое мнение нападками буржуазной критики, обвинявшей писательницу в дурновкусии» (там же).

Думается, что здесь Лю Инь некритически отнеслась к дискурсу и терминологии некоторых источников. На политическом поле художественные достоинства литературных произведений нивелируются, а акцентируются идеологически выгодные детали. Деление же критики на «буржуазную» и «демократическую» сегодняшней исследователь не должен оставлять без рефлексии.

На с. 50 Лю Инь приводит в обобщение «невнимательных» выводов эмигрантской критики высказывание Г. Адамовича, которого в невнимательности к кому-либо упрекнуть очень трудно: «...она сама “сознавала”, что “то, что она написала, не было “высокой литературой”», и при этом чувствуя, “что у нее есть талант”, “понимала, что таланту этому не хватает литературной культуры и строгости к себе”, затем с сожалением приводит характеристику Г. Струве «Дамская – более или менее бульварная», «низкосортная литература», а затем отмечает «прорыв», осуществленный Вольфгангом Казаком, «давшим творчеству писательницы достаточно позитивную оценку: ему оказалось дорого ее недоверие к чисто

“рациональному постижению жизни”, “предчувствие неизбежной катастрофы”».

Из всех цитат видно, что порицание всегда касается литературного мастерства писательницы и эстетических качеств текста, а положительные отклики – идейно-содержательных мотивов, достоинства которых, однако, не повышают художественную ценность текста.

В том же русле попытки «поддержки» эстетического этическим лежит высказывание из главы III (с. 175), посвященной малой прозе Е. Нагродской. Лю Инь упоминает суждение критика Ю. Айхенвальда о «грубой и оскорбительной придуманности» рассказа «Романическое приключение». Она парирует: «Осмелимся предположить, что здесь чутье этому тонкому критику изменило», приводя в доказательство разбор приема переодевания с экскурсом в историю литературы и идейной нагрузки этого приема в рассказе Нагродской. Но ведь критик говорил о художественной неубедительности рассказа, и доказать, что ему «изменило чутье», упирая на идейную нагрузку основного приема произведения, невозможно. Мнению критика стоило бы противопоставить доказательства элегантности замысла и высокохудожественности исполнения, если бы их было возможно найти и если бы это входило в задачу исследователя. Но филологу с критиком вряд ли стоит спорить, оценочность суждений – приоритет критики. Исследователь же находит ракурсы, с которых и малохудожественные произведения могут принести пользу науке о литературе.

3). В-третьих, это увлечение сомнительной образностью в научных суждениях: «Нагродская рисует ситуацию, когда искушение побеждает разум, а злой дух прямо набрасывается и поглощает человека» (с. 96), «Похоже, что писательница хотела показать, что (...), ибо наша жизнь опутана соблазном, искушениями и окружена невидимой стеной страсти (...)» (Там же). Сюда же можно отнести излишнюю эмоциональность некоторых оценок: выражение «глупейшие тексты» (с. 100) и высказывание «Тамара, как и прежде, отвечает на это крайне глупо» (с. 102), допущенные в отношении связно изложенной теории радикального феминизма, вложенной в уста литературной героини, выглядят как преувеличение.

Все высказанные замечания носят рекомендательный характер и не умаляют ценности проведенного исследования.

Работа является самостоятельным, завершенным исследованием, решающим важную научную проблему введения в научное обращение наследия неизученного писателя. Результаты исследования имеют теоретическое и практическое значение.

Публикации соответствуют теме диссертационного исследования. Автореферат адекватно отражает его содержание.

Диссертация «Творческая эволюция Е.А. Нагродской в контексте идейно-эстетических исканий 1910-х годов» полностью отвечает критериям, указанным в пп. 9, 10-11 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», а ее автор Лю Инь достойна присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Официальный оппонент –
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Дома
Русского зарубежья им. А.И. Солженицына А.А. Кузнецова,
зав. отделами библиографии и публицистики литературно-
художественного и общественно-политического журнала «Знамя»:
ООО «Знамя», 123001, Москва, ул. Большая Садовая, 2/46, (495) 699-
52-38, info@znamlit.ru

Подпись удостоверено
Главный редактор литературно-художественного и общественно-
политического журнала «Знамя», д.ф.н. проф. С.И. Чупринин

